

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

М.С. ТОЛЬЦ

СТАТИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Коммунистический режим в Советском Союзе использовал статистику населения (как, впрочем, и всякую статистику) в пропагандистских целях. С демографическими проблемами СССР сталкивался на протяжении всей своей истории, а потому власти постоянно вмешивались в процесс сбора соответствующих статистических данных и публиковали их с искажениями. Исследования последнего десятилетия показали, сколь велико было идеологическое давление коммунистического режима на развитие демографии в СССР и к чему это привело [1, 2]. Немало работ посвящено скорбной истории советской статистики народонаселения, в частности периоду 1930-х годов. [3, 4]. Гораздо меньше внимания уделяется статистике позднего советского периода (за исключением работы Б. Андерсона с коллегами

Тольц Марк Соломонович — профессор Университета Геброу, Иерусалим. **Адрес:** The Hebrew University of Jerusalem, Mt. Scopus, Jerusalem, 91905, Israel. **Телефон:** (9722) 588-2493. **Факс:** (9722) 588-1243. **Электронная почта:** mtolts@h2.hum.huji.ac.il

Посвящаю статью памяти Михаила Курмана и Георгия Павлова, которые познакомили меня с этой проблематикой. Большая часть затронутых проблем обсуждалась мной с Леонидом Дарским, за что я ему очень обязан. Выражаю благодарность Евгению Андрееву, Александру Авдееву, Алэну Блюму, Дмитрию Богоявленскому, Сержио Делла Пергола и Сергею Захарову за советы и помощь. Хочу поблагодарить и Юдифь Ивен, которая редактировала первоначальный вариант статьи. Разумеется, ответственность за ее содержание несет только автор.

Перевод с английского О.А. Оберемко.

[5]), да и в целом проблемы, с которыми сталкивалась советская статистика народонаселения, еще ждут своего изучения.

Сегодня научное сообщество старается предупредить вторжение политики в статистику [6], яркие примеры такого политического вторжения дает история демографии в СССР. В нашем исследовании рассматривается центральная для советской статистики проблема, а именно, как власти вмешивались в статистику народонаселения и использовали искаженные данные в качестве инструмента политической пропаганды, как скрывались и замалчивались результаты статистических обследований и какова была практика манипулирования ими.

Политика использования демографических данных: цензура и манипулирование

В советских статистических изданиях 1920-х годов подробные данные об абортах, самоубийствах и убийствах публиковались открыто. Позднее они стали объектом цензуры. Неблагоприятная демографическая ситуация и даже демографические катастрофы постоянно преследовали советское общество с момента узурпации Иосифом Сталиным неограниченной власти диктатора и до конца советского режима [7–9]. При правлении Сталина (1929–1953 гг.) население Советского Союза понесло громадные потери во время насильственной коллективизации и голода 1932–1933 гг., большого террора (1937–1939 гг.), Второй мировой войны, голода 1946–1947 гг. и новой волны репрессий. Из-за диспропорции в численности мужчин и женщин в послевоенные годы рождалось много детей вне брака. До конца советской эпохи аборт был основным методом контроля над рождаемостью. Со второй половины 1960-х наблюдается устойчивое ухудшение демографических показателей: ожидаемая продолжительность жизни начала уменьшаться, детская смертность перестала снижаться, а затем даже повысилась.

Точно оценить убыль населения, особенно в период насильственной коллективизации и голода 1932–1933 гг., когда система сбора демографической статистики была серьезно подорвана, не представляется возможным [10]. Однако то, что она огромна, не подлежит сомнению. Как верно заметил Роберт Конквест: «После катастрофических экономических последствий коллективизации... был выбран особый курс. Если Реальность противоречила Идее, то последняя брала верх простым отрицанием первой» [11, р. 96]. Сталин лично положил начало использованию фальсифицированных цифр, чтобы скрыть ужасные последствия голода 1932–1933 гг., вызванного его собственной политикой. На XVII съезде ВКП(б) Сталин объявил, что

население Советского Союза к концу 1933 года достигло 168 млн. (Правда. 1934. 28 января). По утверждению Михаила Курмана [12, р. 600], который работал в то время в Центральном статистическом управлении (ЦСУ)¹, именно Сталин прибавил к сделанным статистиками вычислениям около 8 млн. человек. Позже, в беседе с главой ЦСУ, Сталин сказал, что сам знает, какие цифры давать. И все же, сообщает М. Курман, при подготовке материалов съезда к печати названная Сталиным цифра была уменьшена на 1 млн.

Благодаря публикации архивных документов сегодня мы знаем, что на начало 1934 г., согласно статистике, численность населения составила 160 465 200 человек, что было меньше, чем в 1933 г. [13, с. 346]. По последним оценкам, убыль населения в период насильственной коллективизации и голода 1932–1933 гг. приближалась к 7 млн. человек [14, р. 431]. В 1935 г. Сталин вновь прибег к пропагандистскому использованию демографии: чтобы доказать процветание Советского Союза, он объявил заведомо неверные сведения о годовом естественном приросте в 3 млн. человек (Правда. 1935. 4 декабря). Вообще в 1930-е годы тезис о якобы быстром приросте населения СССР советской пропагандой использовался часто. Перепись 1937 г. показала численность населения всего в 162 млн. Поскольку она обнаружила лживость заявлений Сталина, власти объявили ее результаты «дефектными». Их рассекретили только в эпоху гласности [15]. В 1939 г. провели новую перепись, которая при прямой фальсификации² дала цифру в 170 млн. человек. Эту цифру Сталин назвал на XVIII съезде партии еще до того, как результаты переписи целиком обработали [18]. Во времена «большого террора» 1937–1939 гг. рядовые статистики и организаторы отвергнутой переписи 1937 г. своими жизнями заплатили за то, что пытались следовать профессиональным стандартам. Руководители ЦСУ были расстреляны, многие работники арестованы [4]. Считается, что общее число

¹ Название статистического ведомства СССР менялось не раз; в настоящей статье мы используем именно эту аббревиатуру.

² По последним данным, перепись 1939 г. на самом деле дала цифру в 167,6 млн. человек, которая намеренно была увеличена примерно на 3 млн. [16, с. 18; 13, с. 356]. «Окончательные результаты» переписи содержат официальную цифру около 170,6 млн. [17, с. 90]. Ясно, что численность населения СССР к началу 1939 г. была меньше даже тех 168 млн., о которых Сталин объявил на XVII съезде ВКП(б) (см.: XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 25. — *Прим. ред.*).

жертв в эти годы составило 2 млн. человек [19], некоторые авторы приводят более низкие цифры [20]³.

Во время Второй мировой войны Советский Союз понес громадные людские потери. В 1946 г. Сталин объявил, что в войне погибли 7 млн. граждан СССР (Правда. 1946. 14 марта). Естественно, что эта цифра занижена, если учесть, что только армия потеряла более 8,6 млн. солдат и офицеров [24, р. 85]). По последним оценкам общие потери СССР во Второй мировой войне — около 26 млн. человек [14, р. 436].

В годы «великого перелома» статистические публикации проходили цензуру Сталина, а данные о численности населения вообще были под запретом. Сфальсифицированные результаты переписи 1939 г. частично увидели свет почти два десятилетия спустя. Произвольное манипулирование демографической статистикой⁴ в этот период ставит вопрос о границах, за которыми статистика населения вообще перестает отражать реальность [26].

В 1946–1947 гг. демографическую ситуацию усугубил новый голод, повлекший за собой около миллиона жертв [22, с. 226; 27]. Демографические данные из-за огромных потерь, понесенных во время войны, нельзя было использовать в пропагандистских целях, и Сталин отверг предложение ЦСУ провести новую перепись населения в 1949 г. [28]. Кроме того, в годы обострения «холодной войны» советское общество было охвачено манией секретности, и публикации по многим отраслям статистики были почти полностью прекращены [29, р. 326]. Вся демографическая статистика получила гриф «совершенно секретно», не разглашалась даже общая численность населения страны. Хотя в послесталинский период наблюдалось некоторое улучшение демографической ситуации, в целом она оставалась неблагоприятной. В 1961 г. на XXII съезде КПСС Н.С. Хрущев провозгласил: «Смертность населения в СССР самая низкая в мире» [30, с. 76]. Это ложное заявление не раз использовалось советской пропагандой. После смерти Сталина жизнь страны частично вернулась в нормальное русло, и до середины 1970-х годов число публикуемых статистических показателей постепенно увеличивалось. В 1975 г. вышел сборник, полностью посвященный народонаселению СССР [31]. Тем не менее в этот краткий период «оттепели» ни запреты, ни цензура де-

³ Один из главных источников искажений демографической статистики заключался в том, что в ЦСУ не поступали отчеты о количестве расстрелянных и умерших ссыльных и заключенных [21, р. 38; 22, р. 117]. О попытке введения такой отчетности см. [23, р. 115–116].

⁴ Манипулирование цифрами было характерно для всей советской статистики 1930-х годов [25].

мографических данных так и не были отменены. Ухудшение демографических показателей положило конец всяким послаблениям.

Показатели ожидаемой продолжительности жизни начали снижаться с 1965 г. Подражая сталинским фальсификациям численности населения СССР и заявлениям о быстром его росте в начале 1930-х годов, новая пропаганда, превознося достижения советского режима, стала опять искажать статистику. В 1967 г. Л.И. Брежнев в официальной речи по случаю пятидесятой годовщины Октябрьской революции заявил: «Теперь у нас средняя продолжительность жизни достигла 70 лет — один из самых высоких в мире показателей» [32, с. 97]. Это заявление поставило серьезную проблему перед ответственными работниками ЦСУ. Чтобы выйти на итоговую цифру брежневского доклада, необходимо было проделать некоторые манипуляции с данными.

ЦСУ, которое обычно публиковало показатели ожидаемой продолжительности жизни, рассчитанные для двухлетнего периода, вдруг обнародовало показатель, вычисленный для второй половины 1970 — первой половины 1971 г. Согласно этой публикации, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении равнялась 70 годам. В более поздней публикации рассчитанный для четырехлетнего периода (1968–1971 гг.) показатель равнялся 69,5 года, что при округлении дает 70 лет. Однако рассекреченные в эпоху гласности материалы свидетельствуют, что показатели продолжительности жизни, рассчитанные для обычного двухлетнего периода, при округлении давали цифру в 69 лет (табл. 1). Таким образом, ухудшение показателей продолжительности жизни в Советском Союзе в 1970-е годы привело, в полном соответствии со сталинской традицией, к новым манипуляциям со статистикой населения.

Таблица 1

Официальная оценка ожидаемой продолжительности жизни при рождении в СССР в 1968–1971 гг., количество лет

Период, для которого вычислен показатель	Оба пола	Мужчины	Женщины
публикации 1970-х годов			
1968–1971	69,50	64,56	73,53
вторая половина 1970 — первая половина 1971	70	65	74
публикации эпохи «гласности»			
1969–1970	69,34	64,38	73,35
1970–1971	69,4	64,5	73,5

Источники: [31, с. 564; 33, с. 94–95; 34, с. 69, 71, 73; 35, с. 493].

Другой важный демографический показатель — уровень детской смертности — в начале 1970-х, а точнее, начиная с 1972 г.⁵ начал расти. И здесь ЦСУ отреагировало в обычной советской манере: после 1975 г. прекратили публиковать данные. Чтобы скрыть рост детской смертности, в официальных статистических ежегодниках «Народное хозяйство СССР» неизменно повторялась одна и та же фраза: «теперь в СССР в возрасте до 5 лет умирает 3,2% родившихся»⁶. Позже стало известно, что только младенческая смертность (в возрасте до года), по официальным данным, за период 1973–1976 гг. выросла с 26,4 до 31,4 на тысячу новорожденных [35, с. 473].

С середины 1970-х годов из публикаций ЦСУ стали исчезать и другие демографические показатели, что широко обсуждалось мировым сообществом демографов [36, р. 6; 37, р. 657]. Теперь для закрытия демографических данных, по советским представлениям, было множество оснований. В это же время советский ВПК достиг пика своего могущества [38], что катастрофически отразилось на демографической статистике. Последний раз в доперестроечное время данные о половозрастной структуре населения опубликовали в 1975 г., а показатели смертности по половозрастным группам — только за 1973–1974 гг. В 1976 г. новых данных уже не публиковали, они были засекречены как информация стратегического характера. Засекретили даже данные о половом соотношении новорожденных. «Закрыли» и показатели внутренней миграции населения, чтобы скрыть развитие стратегического потенциала СССР. Очевидно, что в последних случаях политическая цензура была не при чем. А вот ответственность за исчезновение из открытой печати данных о смертности по половозрастным группам, в том числе детской, ложится целиком на цензуру.

Таблица 2

Режимы закрытости и характер демографических данных в СССР, конец 1970-х — начало 1980-х годов

Уровень закрытости	Характер демографических данных
Статус «государственной тайны» (крайне ограниченный доступ*)	Убийства; самоубийства; международная миграция; смертность от инфекционных и паразитарных болезней
Запрет на открытую публикацию; только «для служебного пользова-	Половозрастная структура; внутренняя миграция

⁵ Народное хозяйство СССР в 1975 г. М.: Статистика, 1976. С. 40. — *Прим. ред.*

⁶ Народное хозяйство СССР в 1975 г. М.: Статистика, 1976. С. 600; Народное хозяйство СССР в 1977 г. М.: Статистика, 1978. С. 436. — *Прим. ред.*

ния» — «ДСП» Редкие публикации в открытой печати и только с разрешения ЦСУ СССР и его региональных подразделений (обычно с грифом «ДСП»)	Смертность по половозрастным группам (в том числе детская)
---	--

* В соответствии с приказами и инструкциями о защите государственной тайны.

Для ограничения доступа к демографической информации в конце 1970-х — начале 1980-х годов использовалась многоуровневая система цензуры: одни данные хранились в строжайшей тайне, другие нельзя было публиковать открыто, третьи публиковались с разрешения ЦСУ и его региональных подразделений (табл. 2).

Существование цензуры и режимов секретности, естественно, было секретным, поскольку гриф секретности имели регламентирующие их документы [39]. Однако представление о режимах секретности может дать и тщательное исследование практики опубликования демографических данных в рассматриваемый период.

Данные об уровне убийств и самоубийств, о смертности от инфекционных и паразитарных болезней (чумы, холеры и т. п.), о международной миграции имели статус «государственной тайны». Они хранились в секретном («первом») отделе ЦСУ, и доступ к ним был разрешен лишь немногим сотрудникам.

Некоторые основные демографические показатели были запрещены для открытых публикаций и свободного распространения. Они были включены в «Перечень сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати». Данные о половозрастной структуре населения и внутренней миграции публиковались только под грифом «ДСП» [40]. Каждому экземпляру такой брошюры присваивался регистрационный номер; экземпляры рассылались строго по списку адресатов, работавших в ЦСУ и его региональных подразделениях, в партийных и правительственных учреждениях. Очень немногие научные учреждения получали эти брошюры. Обычному читателю научной библиотеки они были недоступны, их держали в особых хранилищах — «спецхранах» [41, р. 87–88].

Некоторые данные из «Перечня» можно было публиковать только с разрешения ЦСУ и его региональных подразделений. К ним относятся данные о смертности по половозрастным группам (в том числе детской). Обнародование региональной статистики населения в советский период допускалось только в благополучных (по советским меркам) территориях — в Белоруссии и прибалтийских республиках [42–45]. ЦСУ обладало монополией на пользование демографическими данными и их публикацию. Ситуация начала меняться только с 1987 г., когда цензурные ограничения на эти данные были

отменены. Однако режим секретности в отношении некоторых тайн ВПК пережил даже советский режим.

Секретность в действии: советские переписи населения

Сведения о военном потенциале и пенитенциарной системе советское руководство неизменно держало в строжайшей тайне. Еще в сталинскую эпоху в рамках каждой переписи секретно проводилась «специальная перепись» военнослужащих, заключенных и (в послевоенный период) жителей «закрытых» городов; представители указанных групп населения учитывались особым порядком⁷. Все документы, содержащие данные об их численности, засекречивались. Для сохранности тайны данные, собранные особым порядком, объединялись с данными о численности других групп населения, так что исходные цифры оказывались совершенно недоступными.

В переписях особым порядком учета охватывались многочисленные категории населения (табл. 3). Военнослужащие почти исключительно принадлежали к одному полу и очень узкой возрастной группе. Поэтому манипуляции с этими группами существенно влияли на итоги переписи.

Таблица 3

Группы, подлежащие «особому учету» в советских переписях 1939–1989 гг., млн. чел.

Перепись	Все население	Военнослужащие ^(а)	Заключенные	Жители секретных городов
1939	170,6 ^(b)	2,1 ^(c)	3,1 ^{(c)(d)}	–
1959	208,8	3,6 ^(c)	1,0	
1970	241,7	3,8	1,1	
1979	262,4	4,2 ^(c)	1,3	
1989	286,7	4,3	1,4	~1,0 ^(f)

(а) в послевоенных переписях к военнослужащим не относились войска КГБ и МВД, которые по последней советской переписи насчитывали около 0,6 млн. человек [46, р. 33]; (b) перерасчеты завышенных официальных цифр см. по тексту; (c) данные переписи; (d) в том числе «трудпоселенцы», жившие в трудовых поселениях ГУЛАГа; (e) данные 1980 г.; (f) расчеты автора.

Источники: [35, с. 8; 47, с. 394, 437–438; 48, с. 9; 49, с. 2; 50, ч. 3, с. 658; 51, с. 104–105].

Перепись 1939 г. была образцом для всех последующих советских переписей⁸. К счастью, в эпоху гласности опубликованы секрет-

⁷ См., например: Памятка военному инструктору по переписи РККА 1937 г. М.: Соцоргучет, 1936. — *Прим. ред.*

⁸ Общий обзор советских переписей см.: [52–54].

ные инструкции к ней, а также множество первичных данных [50]. К документам послевоенных переписей мы до сих пор не имеем доступа. Переоценка результатов переписи 1939 г. позволяет увидеть некоторые явно непреднамеренные последствия манипуляций. Например, искажение данных по этническому составу населения многих территорий стало результатом тайного перераспределения так называемого централизованного контингента, которое исказило соотношение численности населения между разными территориями, а также между городским и сельским населением. Численность централизованного контингента составляли военнослужащие и заключенные.

Самые масштабные манипуляции производились с данными о заключенных. Большинство заключенных приписывалось к населению той территории, где находилось место их заключения: заполненные переписные листы пропорционально распределялись по районам территории и смешивались с листами, собранными в ходе переписи. Однако чтобы скрыть большую концентрацию заключенных на Севере и Востоке Российской Федерации, было отдано официальное распоряжение «перераспределить» в другие территории Советского Союза 759 550 переписных листов [21, р. 84–89; 50, с. 2738–2740]. Есть доказательства того, что во многих случаях распоряжение было выполнено [21, р. 80; 50, с. 657]. Кроме того, из секретной переписки тех времен стало известно, что для покрытия громадной убыли населения от насильственной коллективизации и голода 1932–1933 гг. из разных регионов было отправлено 383 563 переписных листа на Украину и 375 180 листов — в Казахстан [50, с. 18–19, 24–25]⁹. 758 743 человека в обеих республиках были отнесены к сельскому населению.

Поскольку эта цифра очень близка к числу перераспределенных переписных листов заключенных, с высокой степенью вероятности можно предположить, что речь идет об одном и том же контингенте и что к населению Украины и Казахстана добавили почти 760 тысяч заключенных, находившихся на территории РСФСР. Более того, по данным тюремной статистики начала 1939 г., соотношение мужчин и женщин в ГУЛАГе составляло 91,6 и 8,4% [23, с. 416], а процентное соотношение мужчин и женщин в массиве листов, отправленных в Украину и Казахстан, было соответственно 92,3 и 7,7% [50, с. 19, 24]. Близкое сходство соотношений усиливает нашу догадку. Для Казахстана «приписка» оказалась более существенной, чем для Украины, и составила 13% от зафиксированного переписью [48, с. 22; 50, с. 19–

⁹ О демографических последствиях голода в Украине и Казахстане см.: [55, с. 14–17; 56].

22]. Именно эта республика выбрана для демонстрации искажений этнического состава.

Перерасчет этнического состава населения Казахстана в 1939 г.¹⁰

Несмотря на явную фальсификацию результатов переписи 1939 г., последовательное выполнение необходимых операций позволит нам уточнить этнический состав населения Казахстана. Из секретных инструкций [50, с. 79–82, 2076] мы знаем, что результаты переписи претерпели изменения дважды. Сначала к собранным в сельской местности переписным листам были прибавлены переписные листы заключенных из лагерей, расположенных за пределами республики, а затем полученные цифры сельского населения и фактические данные о городском населении были увеличены путем необоснованных добавок (в той же пропорции, что и к общей численности населения страны [48, с. 9]). Перераспределение централизованного контингента и необоснованные добавки исказили итоговые данные об этнической структуре республики хотя бы потому, что этнический состав массива перераспределенных переписных листов едва ли совпадал с этническим составом сельского населения Казахстана.

Наши расчеты начнем с сельского населения. Из неопубликованных черновых материалов переписи 1939 г. [50] известно, что к численности сельского населения Казахстана, полученной в ходе переписи, всего было прибавлено 609 069 человек. Следовательно, если из официальной цифры 4 441 075 человек вычесть численность централизованного контингента 609 069 человек, то после округления мы получим 3 832 000 человек. Это и будет общее число людей, фактически заполнивших переписные листы в сельской местности Казахстана. Известно также, что централизованный контингент состоял из двух частей. Первую часть составили перераспределенные из РСФСР бланки переписи на 375 180 заключенных, которые были прибавлены к бланкам фактически переписанных сельских жителей. Но поскольку фактические данные об этнической структуре прибавленного массива заключенных нам недоступны, мы можем дать лишь приблизительные оценки. Для этого необходимо сделать первое принципиально важное допущение о том, что этнический состав прибавленного контингента заключенных пропорционален этническому составу генеральной совокупности заключенных ГУЛАГа.

По некоторым данным [58, р. 1028] на начало 1939 г. русские составляли 63% населения ГУЛАГа, казахи — 1,3% (несколько иные цифры приведены в [23, с. 416–417]). Взяв за 100% цифру 375 180, мы получим прибавление около 4 880 казахов и около 236 360 русских. Конечно, полученные цифры суть вероятностные оценки, кото-

¹⁰ Полную версию см.: [57].

рые могут существенно отличаться от фактического положения дел. Косвенным подтверждением верности наших расчетов может служить обнаруженный нами факт того, что соотношение мужчин и женщин в общем населении ГУЛАГа очень близко к соотношению мужчин и женщин в общем массиве переписных листов, направленных в Украину и Казахстан.

Оставшиеся 233 889 человек ($609\,069 - 375\,180 = 233\,889$) составили вторую пропорциональную добавку. Пропорция добавки равна отношению численности приписанного населения (233 889 человек) к общей численности населения, полученного в результате прибавления контингента заключенных (4 207 180 человек), что при округлении даст 5,6%. Расчетные приписки численности казахов и русских будут составлять те же 5,6% от сумм после прибавления (1 850 080 и 1 393 760 человек), что даст цифры в 102 930 и 77 730 соответственно. Если наши допущения и расчеты верны, то таблица 4 отражает алгоритм получения завышенных данных переписи, объявленных в качестве официальных. Аналогично рассчитывается численность и остальных этнических групп (табл. 5).

Таблица 4

Расчеты численности сельского населения Казахстана на 1939 г., чел.

Этнические группы	Исходно известные фактические данные переписи (расчетные)	Первое прибавление заключенных	Сумма после прибавления	% приписки	Второе прибавление (пропорциональная приписка)	Всего «прибавлено» и «приписано»	Итоговые официальные данные
Казахи	1 845 200	4 880	1 850 080	5,6	102 930	107 810	1 953 010
Русские	1 157 400	236 360	1 393 760	5,6	77 730	314 090	1 471 493
Всего	3 832 000	375 180	4 207 180	5,6	233 889	609 069	4 441 075

Таблица 5

Расчетные и официальные данные этнической структуры Казахстана по данным переписи 1939 г., чел.

Этнические группы	Официальные данные			Расчетные данные		
	все население	городское население	сельское население	все население	городское население	сельское население
Казахи	2 327 625	374 615	1 953 010	2 198 800	353 600	1 845 200
Русские	2 458 687	987 194	1 471 493	2 089 400	932 000	1 157 400
Украинцы	658 319	136 827	521 492	571 400	129 200	442 200

Узбеки	120 655	37 095	83 560	107 200	35 000	72 200
Татары	108 127	60 054	48 073	95 100	56 700	38 400
Немцы	92 571	13 811	78 760	82 300	13 000	69 300
Поляки	54 809	5 202	49 607	47 100	4 900	42 200
Евреи	19 240	10 106	9 134	12 600	9 500	3 100
Другие	311 069	85 123	225 946	242 400	80 400	162 000
Всего	6 151 102	1 710 027	4 441 075	5 446 300	1 614 300	3 832 000

Источники: [21, р. 75–76]; расчеты автора.

Следующий шаг — оценка этнического состава городского населения, что сделать легче, поскольку к городскому населению никаких переписных листов, собранных за пределами Казахстана, не прибавлялось. Мы посчитали, что общее число фактически заполнивших переписные листы горожан равняется разнице между официальными данными численности городского населения и сделанной в соответствии с тайной инструкцией припиской и что численность всех этнических групп была увеличена пропорционально. Наконец, численности этнических групп отдельно для города и села были суммированы, и итогом стала скорректированная численность этнических групп, проживавших в Казахстане на момент переписи.

В результате прибавления контингента заключенных лагерей и последующего увеличения цифр был скорректирован этнический состав сельского населения, что отразилось и на структуре этнического населения в целом по республике. Русское население было увеличено на 27,1%, а казахское — лишь на 5,8%, из-за чего русские оказались преобладающим по численности этносом (табл. 6).

Таблица 6

Сравнение расчетных и официальных данных об этнической структуре Казахстана по переписи 1939 г., %*

Этнические группы	Все население		Сельское население	
	официальные данные	расчетные данные	официальные данные	расчетные данные
Казахи	37,8	40,4	44,0	48,2
Русские	40,0	38,4	33,1	30,2
Украинцы	10,7	10,5	11,7	11,5
Узбеки	2,0	2,0	1,9	1,9
Татары	1,8	1,7	1,1	1,0
Немцы	1,5	1,5	1,8	1,8
Поляки	0,9	0,9	1,1	1,1
Евреи	0,3	0,2	0,2	0,1
Другие	5,1	4,5	5,1	4,2

Все	100,0	100,0	100,0	100,0
-----	-------	-------	-------	-------

* Рассчитано по табл. 5.

По официальным данным, в населении Казахстана русские (40,0%) численно преобладают над казахами (37,8%). А перерасчеты показывают обратное: казахи (40,4%) преобладают над русскими (38,4%). Таким образом, официальные и расчетные данные рисуют диаметрально противоположные картины этнической структуры населения Казахстана.

Перераспределение населения из «закрытых» городов в другие регионы по результатам переписи 1989 г.

Детальный анализ официальных результатов послевоенных советских переписей о половозрастной структуре показывает весьма необычные половозрастные пропорции, которые можно объяснить только манипулированием данными о военнослужащих. В послевоенных переписях заключенные, скорее всего, учитывались по месту заключения [59, с. 46]. Возникает вопрос: к какой категории населения их относили? Можно предположить, что в некоторых регионах с многочисленным контингентом заключенных их приписывали к большим и малым городам, находящимся далеко от мест заключения.

Таблица 7

Оценка перераспределения населения из «закрытых» городов РСФСР в другие регионы в 1989 г., тыс. чел.

Экономический район, край или область	Официальные данные переписи	Перераспределено: из	в	Расчетная численность населения	Перераспределено (% от расчетной численности)
Кировская	1 693		43	1 650	2,6
Нижегородская (а)	3 714	-43		3 757	-1,1
Самарская	3 266		40	3 226	1,2
Пензенская	1 504	-40		1 544	-2,6
Оренбургская	2 174		29	2 145	1,4
Пермская	3 100		55	3 045	1,8
Свердловская	4 717	-55		4 772	-1,2
Челябинская	3 624	-73		3 697	-2,0
Кемеровская	3 176		74	3 102	2,4
Новосибирская	2 782		44	2 738	1,6
Томская	1 002	-74		1 076	-6,9
Иркутская	2 831		50	2 781	1,8
Читинская	1 378		61	1 317	4,6

Красноярский (b)	3 027	-111		3 138	-3,5
Всего		-396	396		

(a) за вычетом около 20 000 жителей, проживавших на территории, отошедшей от Ивановской области; (b) без Хакасии.

Источники: [64, с. 8–11; 63, с. 54–55].

Но если о наличии армии и мест заключения известно было всегда, то существование закрытых поселений (секретных городов) держалось властями в тайне. Развиваться они начали с середины 1940-х годов, когда Советский Союз приступил к активному строительству самой секретной отрасли военной промышленности — ядерной. Целые города стали «спальнями» для персонала и семей работников секретных военных объектов. За редким исключением они не подчинялись региональному партийному руководству [38]. Секретные города никогда не указывались на официальных советских картах, и факт их существования официально признали только после падения советского режима [60].

Хотя в середине 1990-х годов официальные власти сделали достоянием общественности существование закрытых поселений в Российской Федерации, опубликованные данные переписи 1989 г. так и не были скорректированы. Появились только новые данные о численности населения отдельных регионов за 1990–1994 гг. Стало известно, что часть жителей закрытых поселений учитывалась в населении других регионов [61, р. 11]. За это время произошло лишь одно изменение административно-территориальных границ: небольшая территория Ивановской области отошла к Нижегородской. Сравнение цифр за 1994 г. — последний год перед обнародованием существования закрытых городов — дало тот же результат [62, с. 13–15; 63, с. 54–55]). Наши изыскания позволили с высокой вероятностью оценить масштаб перераспределения населения из российских закрытых городов в другие регионы, отраженного в официальных результатах переписи 1989 г. Исследуя разницу между опубликованными в 1990 г. данными переписи по регионам и новыми цифрами, которые появились после открытия «закрытых» городов, мы обнаружили, что оценочная численность населения в шести регионах возросла, тогда как в других восьми — снизилась. При этом суммарные прирост и убыль одинаковы и составляют около 396 000 человек (табл. 7). Именно столько жителей «закрытых» городов были «перераспределены» по другим регионам.

В некоторых случаях искажения достигают больших размеров. В Томской области, например, численность населения занижена почти на 7%, а доля городских жителей, по нашим оценкам, — почти на

10%. Естественно, что подобные искажения неизбежно приводили к искажению производных демографических показателей. Ответственность за эти искажения несут не работники статистических комитетов, не советские демографы¹¹, а советский режим. Фальсификация данных стала частью печальной истории советской статистики народонаселения. Интересы секретности преобладали над всеми другими интересами. Искажение данных о численности населения порождало определенные трудности даже для региональных властей. Например, официальные данные едва ли можно было использовать при решении очень важной задачи в условиях хронического дефицита в советскую эпоху — организации нормированного снабжения населения конкретных населенных пунктов продовольствием и другими товарами.

Заключение

Наше исследование вскрыло недопустимое вмешательство властей СССР в статистику народонаселения и ее использование как средство политической пропаганды. Советский режим постоянно допускал манипулирование статистическими данными о населении СССР. Сталин лично фальсифицировал демографические данные ЦСУ СССР. Брежнев по примеру Сталина и Хрущева использовал демографические показатели в пропагандистских целях. В 1970-е годы, после «оттепели», когда демографические показатели стали ухудшаться, статистическая информация вновь оказалась под запретом. На засекречивание демографических данных повлияло параноидальное желание скрыть военный потенциал Советского Союза. Мы обнаружили, что в конце 1970-х — начале 1980-х годов в СССР существовала многоуровневая система цензурного запрета на распространение демографических данных. Даже в последних советских переписях результаты сильно искажались за счет сокрытия численности военнотружущих, заключенных и жителей «закрытых» городов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vichnevski A.* La démographie soviétique après la Seconde Guerre mondiale // Les contours de la démographie au seuil du XXIe siècle / Ed. by J.-C. Chasteland, L. Roussel. Paris: PUF, 1997. P. 157-187.
2. *Avdeev A.* Avenir de la démographie en Russie // Les contours de la démographie au seuil du XXIe siècle / Ed. by J.-C. Chasteland, L. Roussel. Paris: PUF, 1997. P. 369-396.
3. *Blum A.* A l'origine des purges de 1937 — l'exemple de l'administration de la statistique démographique // Blum A. Statistique, démographie et

¹¹ По мнению сторонних наблюдателей, «в Советском Союзе было много хорошо подготовленных демографов» [5, p. 6].

- politique: Deux études sur l'histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920–1939). Paris: INED, 1998. P. 55-92.
4. Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда / Экспресс-информация. Сер.: История статистики. 1990. Вып. 3–5. Ч. II.
 5. Anderson B.A., Katus K., Silver B.D. Developments and prospects for population statistics in countries of the former Soviet Union // Population Index. 1994. Vol. 60. No. 1. P. 4-20.
 6. Seltzer W. Politics and statistics: Independence, dependence or interaction // DESIPA working paper No. 6. United Nations Department of International Economic and Social Information and Policy Analysis. New York, 1994.
 7. Blum A., Darsky L.E. Le «modèle» soviétique (1917–1991) et ses devenirs // Histoire des populations de l'Europe: T. III / Ed. by J.-P. Bardet, J. Dupâquier. Paris: Fayard, 1999. P. 659-695.
 8. Blum A. Naître, vivre et mourir en URSS. Paris: Plon, 1994.
 9. Vichnevski A. La faucille et le rouble: La modernisation conservatrice en U.R.S.S. Paris: Gallimard, 2000.
 10. Livi-Bacci M. On human costs of collectivization in the Soviet Union // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 4. P. 743-766.
 11. Conquest R. Reflections on a ravaged century. New York: W.W. Norton & Company, 2000.
 12. Kurman M.V. «Vospominaniia» (Memories) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Vol. XXXIV. No. 4. P. 589-630.
 13. Население России в XX веке: Т. 1. / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: РОССПЭН, 2000.
 14. Andreev E.M., Darsky L.E., Khar'kova T.L. Population dynamics: Consequences of regular and irregular changes // Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991 / Ed. by W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov. New York: Routledge, 1994. P. 423-440.
 15. Тольц М. Перепись, приговоренная к забвению // Семья и семейная политика / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: ИСЭПН АН СССР, 1991. С. 161–178.
 16. Волков А.Г. Как стало кривым зеркало общества: к 60-летию переписи 1937 года // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 14–21.
 17. Некоторые итоги переписи населения 1939 г. // Вестник статистики. 1956. № 6. С. 89-96.
 18. Тольц М. Недоступное измерение // В человеческом измерении // Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Прогресс, 1989. С. 325–342.
 19. Андреев Е.М., Харьковская Т.Л. Россия: демографические итоги XX века // Demoscope Weekly. 2001. No. 4. <<http://demoscope.ru/weekly>>.
 20. Getty J.A., Naumov O.V. The road to terror: Stalin and the self-destruction of the bolsheviks, 1932-1939. New Haven; London: Yale University Press, 1999.
 21. Poliakov Iu.A., Zhiromskaia V.B., Kiselev I.N. A half-century of silence: The 1937 census // Russian Studies in History. 1992. Vol. 31. No. 1. P. 10-98.

22. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Российский хронограф, 2000.
23. ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: MFD, 2000.
24. Soviet casualties and combat losses in the twentieth century / Translated by C. Bernard; Ed. by G.F. Krivosheev. London: Greenhill Books, 1997.
25. *Wheatcroft S. G., Davis R.W.* The crooked mirror of soviet economic statistics // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / Ed. by R.W. Davis, et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 24-37.
26. *Zakharov S.V.* The rehabilitation of the specialists and their work during the 1920s–1930s: Paper presented at the seminar «Histoire de la statistique démographique» (Paris, December 16–18, 1996).
27. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–47 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996.
28. *Оксенойт Г.* Владимир Ставровский // Вестник статистики. 1988. № 12. С. 44–47.
29. *Nove A.* An economic history of the USSR, 1917–1991. London: Penguin Books, 1992.
30. КПСС. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961.
31. Население СССР (численность, состав, движение), 1973 / ЦСУ СССР. М.: Статистика, 1975.
32. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом: Статьи и речи. Т. 2. М.: Политиздат, 1970.
33. Смертность и средняя продолжительность жизни населения СССР (1968–1971 гг.) // Вестник статистики. 1974. № 2. С. 94–95.
34. Таблицы смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения / Госкомстат СССР. М., 1989.
35. Население СССР в 1988 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1989.
36. *Feshbach M.* The Soviet Union: Population trends and dilemmas // Population Bulletin. 1982. Т. 37. No. 3. P. 1-44.
37. *Pressat R.* L'appauvrissement des statistiques démographiques soviétiques // Population. 1982. Vol. 37. No. 3. P. 655-662.
38. *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1997. С. 150–208.
39. История советской политической цензуры: документы и комментарии / Сост. Т.М. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997.
40. *Полян П.М.* Советская и российская демографическая статистика // СССР - СНГ - Россия: география населения и социальная география, 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор / Под ред. П.М. Поляна и др. М.: УРСС, 2001. С. 524–586.
41. *Davis R.W.* Soviet history in the Yeltsin era. London: Macmillan, 1997.
42. Народное хозяйство Латвийской ССР в 1977 г. / ЦСУ Латвийской ССР. Рига, 1978.

43. Народное хозяйство Литовской ССР в 1978 г. / ЦСУ Литовской ССР. Вильнюс, 1979.
44. *Шахотко Л.П.* Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1985.
45. Население Советской Латвии / Под ред. П.П. Звидриньш. Рига: Зинатне, 1986.
46. *Odum W.* The collapse of the soviet military. New Haven: Yale University Press, 1998.
47. *Лунеев Л.Л.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997.
48. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова и др. М.: Наука, 1992.
49. Правда. 1989. 8 апреля.
50. Перепись 1939 года: документальные источники ЦГАНХ СССР. М., 1990. Ч. 1–15.
51. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР / ЦСУ СССР. М.: Госстатиздат, 1962.
52. Research Guide to the russian and soviet censuses // Ed. by R.S. Clem Ithaca Cornell University Press, 1986.
53. *Kingkade W.W.* Content, organization and methodology in recent soviet population censuses // Population and Development Review. 1989. Vol. 15. No. 1. P. 123-138.
54. *Павлов Г.А.* Советские переписи населения (1920–1959) // Советская статистика за полвека (1917–67 гг.) / Под ред. Ф.Д. Лившица. М.: Наука, 1972.
55. *Adamets S., Blum A., Zakharov S.* Disparités et variabilités des catastrophes démographiques en URSS. Paris: INED, 1994.
56. *Pirozhkov S.I.* Les pertes démographiques en Ukraine dans les années 1930 et 1940 // Population. 1996. Vol. 51. No. 4–5. P. 1032-1040.
57. *Tolts M.* The Soviet censuses of 1937 and 1939: Some problems of data evaluation: Paper presented at the International Conference on Soviet Population in the 1920s and 1930s (Toronto, January 27–29, 1995).
58. *Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N.* Victims of the Soviet penal system in the pre-war years: A first approach on the basis of archival evidence // The American Historical Review. 1993. Vol. 98. No. 4. P. 1017-1049.
59. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история Российской Федерации, 1927–1959. М.: Информатика, 1998.
60. *Rowland R.H.* Russia's secret cities // Post-Soviet Geography and Economics. 1996. Vol. 37. No. 7. P. 426-462.
61. *Andreev E., Scherbov S., Willekens F.* Sources of information on the population of Russia. Groningen: The University of Groningen, 1995.
62. Демографический ежегодник Российской Федерации, 1993 / Госкомстат России. М., 1994.
63. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1999.
64. Численность, состав и движение населения в РСФСР / Госкомстат России. М., 1990.